

**Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ
ЧЕЙЗА
в серии
«Звезды классического
детектива»**

**Лучше бы
я остался бедным**

•

Весна в Париже

•

Сильнее денег

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

**СИЛЬНЕЕ
ДЕНЕГ**

АЗБУКА
Санкт-Петербург

**СИЛЬНЕЕ
ДЕНЕГ**

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

До встречи с Риммой Маршалл я месяца четыре брэнчал на пианино в баре Расти.

Она появилась в нашем заведении однажды вечером; по железной крыше стучал дождь, издалека доносились раскаты грома.

Посетителей в баре почти не было — только двое забулдыг. Расти за стойкой от нечего делать протирал стаканы. Негр Сэм, официант, забрался в кабинку в противоположном углу помещения и старательно изучал программу скачек. Я, как всегда, сидел у пианино.

Помню, в ту минуту я играл ноктюрн Шопена. Я сидел спиной к двери и поэтому не видел и не слышал, как вошла Римма.

Позднее Расти рассказывал мне, что было примерно без двадцати девять, когда распахнулась дверь и девушка словно вынырнула из-под проливного дождя. Оставляя на полу мокрые следы, она проскользнула в одну из кабинок.

Обычно Расти, едва заведев в своем заведении женщину без спутника, немедленно выставлял ее за порог. Но в тот вечер, то ли потому, что бар все равно пустовал, то ли потому, что дождь лил как из ведра, он лишь покосился на посетительницу.

Заказав кока-колу, она закурила, облокотилась на стол и отсутствующим взглядом уставилась на двух пьяниц у стойки.

События начали разворачиваться минут десять спустя.

Снова с шумом распахнулась дверь, и в бар вошел человек. Он сделал несколько неуверенных шагов, словно ступал по палубе судна, застигнутого сильной качкой, и внезапно остановился.

Римма вдруг пронзительно закричала.

Дикий вопль заставил меня резко обернуться.

Никогда не забуду своего первого впечатления при взгляде на девушку. Римме было лет восемнадцать. Ее волосы отливали полированным серебром, а большие, широко расставленные глаза казались темно-голубыми. На ней был вишневый свитер, плотно облегающий грудь, и узкие черные брюки. Она показалась мне какой-то неряшливой, неопрятной, по всему было видно, что жилось ей нелегко. На стуле рядом с ней лежал заношенный и продранный на рукаве дешевенький плащ.

Девушку, пожалуй, можно было бы назвать хорошенькой, как и многих других девушек ее возраста, которые толпами бродят по тротуарам Голливуда в надежде, что двери киностудий когда-нибудь распахнутся перед ними. Но в тот момент ужас, написанный на ее лице, делал ее отталкивающей. Широко открытый рот, из которого неслась непрерывный крик, казался безобразной дырой. Она жалась к стене, словно животное, пытающееся укрыться в своей норе; обезумев от страха, в тщетных поисках спасения, она скребла ногтями деревянную обшивку стены, и этот звук действовал на нервы даже сильнее, чем ее крик.

Только что вошедший человек показался мне порождением кошмара — невысокий, худой, лет двадца-

ти четырех, с тонкими чертами белого как полотно, заострившегося лица. Его черные, свисавшие прядями волосы намokли от дождя и прилипли к голове. Особенно страшными были глаза. При виде этих глаз с расширенными до предела зрачками у меня даже мелькнула мысль, что я вижу перед собой слепого. Но это было не так. Это были, безусловно, глаза наркомана. Человек смотрел на кричавшую девушку, и выражение его лица напугало меня.

Несколько секунд он стоял неподвижно, не сводя с Риммы глаз, затем с его тонких порочных губ сорвался долгий свистящий звук.

Расти, оба пьяницы и я уставились на него. Он опустил руку в задний карман брюк и достал нож. Блеснуло длинное лезвие.

— Эй, эй! — заорал Расти. — Брось сейчас же нож! — Но сам даже не вышел из-за стойки. Посеревший от страха Сэм нырнул под стол.

Что может быть страшнее наркомана с ножом? Но я не мог сидеть сложа руки и наблюдать, как он набросится на девушку.

Ударом ноги я оттолкнул стул и бросился к незнакомцу.

Я ударил его в то мгновение, когда сверкнул занесенный над Риммой нож. Я постарался вложить в удар всю свою силу, но бил в сущности наугад. Удар пришелся где-то за ухом и, хотя заставил человека покачнуться, все же чуть запоздал.

Лезвие ножа скользнуло по руке девушки. Я увидел, как начал темнеть рукав ее свитера, она привалилась к стенке и соскользнула под стол.

Второй удар я нанес ему, когда он добрался до стола, которым отгородилась от него Римма. На этот раз я целился в подбородок и не промахнулся. Человек дернулся и растянулся на полу.

Ошеломленный, он лежал на полу, не выпуская из руки окровавленного ножа, и я поспешил наступить ему на кисть. Постепенно его пальцы разжались, и я швырнул нож в дальний угол комнаты.

С шипением, похожим на змеиное, человек вскочил на ноги и кинулся на меня, раздирая ногтями мое лицо и щелкая зубами рядом с горлом.

Я снова ударил его, на этот раз с такой силой, что заныла рука, а незнакомец, словно подкошенный, пролетел через всю комнату, опрокинул уставленный стаканами стол и распластался у стены. Тут он и остался лежать, задрав подбородок и с шумом переводя дыхание.

Вытаскивая из кабины столик, я слышал, как Раста вызывал по телефону полицию.

Римма сидела в неловкой позе, на полу рядом с ней уже образовалась лужица крови, с побелевшего лица на меня пристально смотрели большие глаза.

У меня, наверное, тоже был довольно занятный вид: ногти наркомана оставили на моей щеке четыре глубокие борозды и крови из меня вытекало не многим меньше, чем из нее.

— Что, сильно он вас полоснул? — спросил я, опускаясь рядом с ней на корточки.

— Нет, — покачала она головой.

Ее голос звучал поразительно спокойно, с лица исчезло выражение ужаса. Она смотрела на наркомана, который, все еще без сознания, лежал у стены. Она смотрела на него так, как вы смотрели бы на паука с мохнатыми ногами, если бы внезапно обнаружили его в своей кровати.

— Не беспокойтесь на его счет, — сказал я. — Несколько часов он будет тихоней. Вы можете стоять?

— У вас идет кровь...

— И на мой счет тоже не беспокойтесь.

Я протянул девушке руку и почувствовал, как холодны ее пальцы. С моей помощью она поднялась на ноги и оперлась на меня.

В помещение вбежали двое полицейских.

Они посмотрели на мое окровавленное лицо, на прижавшуюся ко мне Римму, на мокрый от крови рукав ее свитера, и один из них, подняв дубинку, направился ко мне.

— Эй! — поспешно крикнул я. — Вам нужен вон тот, на полу.

Полицейский остановился, взглянул на распростертого на полу наркомана, потом снова перевел взгляд на меня.

— Ладно, ладно, — заговорил второй полицейский, — не торопись, Том. Давай сперва разберемся.

Римма глубоко вздохнула и потеряла сознание. Я едва успел подхватить ее и осторожно положить на стол. Я и сам чувствовал себя настолько неважно, что вынужден был опуститься возле нее на колени.

— Что вы стоите? — крикнул я полицейским. — Она же изойдет кровью!

Полицейский, тот, что выглядел более флегматичным, подошел к девушке и перочинным ножом распорол рукав ее свитера. Он осмотрел длинный и глубокий порез на руке Риммы, достал из кармана пакет первой помощи, быстро остановил кровотечение и перевязал рану.

К тому времени второй полицейский уже успел обо всем расспросить Расти. Подойдя к наркоману, он ткнул его носком башмака.

— Осторожно, — сказал я, все еще поддерживая Римму. — Парень — курильщик дури, и он чуть не оставил меня без глаз.

Полицейский насмешливо взглянул на меня:

— Да ладно? Думаешь, я в первый раз вижу наркомана?

Неизвестный внезапно вскочил на ноги, схватил со стойки графин с водой и изо всей силы ударил полицейского по голове: графин разлетелся вдребезги, а полицейский упал.

Наркоман обвел взглядом комнату. Его глаза отыскали очнувшуюся Римму. Он выставил перед собой зазубренное горлышко разбитого графина и бросился на девушку.

Я по-прежнему стоял возле нее на коленях и мало что мог сделать. Если бы не хладнокровие второго блюстителя порядка, то нам пришлось бы плохо. Полицейский спокойно пропустил наркомана перед собой и ударил его дубинкой по затылку. Неизвестный упал, горлышко графина откатилось в сторону, и в следующую секунду щелкнули наручники.

Другой полицейский уже поднялся на ноги и, привалившись к барной стойке, ощупывал пострадавшую голову и осыпал наркомана проклятиями. Его невозмутимый напарник скомандовал Расти вызвать «скорую».

Я помог Римме встать и усадил ее на стул, подальше от того места, где лежал наркоман. Она вся дрожала, и я понял, что только сейчас до нее начинается доходить смысл всего, что произошло. Одной рукой я поддерживал девушку, другой — прижимал носовой платок к своему расцарапанному лицу.

Минут через пять прибыли «скорая помощь» и полицейская машина. В бар вошли двое санитаров в белых халатах. Они привязали наркомана к носилкам и унесли его, но один из них тут же вернулся и занялся моим лицом.

Пока санитары делали свое дело, краснолицый верзила в штатском — он назвался сержантом Хеммондом — допросил Расти, а затем подошел к Римме.

Она сидела, безучастно уставившись в пол, и тихонько раскачивалась, баюкая раненую руку.

— Ну, девица, рассказывай, — обратился к ней Хеммонд. — Как твоя фамилия?

Я прислушался, поскольку был заинтригован произошедшим.

Девушка ответила, что ее зовут Риммой Маршалл.

— Где живешь?

— Отель «Саймондс». — Она назвала третьеразрядную гостиницу в портовом районе.

— Занятие?

Римма быстро взглянула на полицейского и тут же отвела взгляд.

— Статистка в киностудии «Пасифик», — с мрачным выражением ответила она.

— Кто этот тип?

— Он называет себя Уилбором. Я знаю его только под этим именем.

— Почему он бросился на тебя с ножом?

Девушка заколебалась, но все же ответила:

— Я когда-то с ним жила, а потом ушла.

— Почему?

Девушка удивленно посмотрела на Хеммонда:

— Вы же его видели! Вы бы согласились с ним жить?

— Ну, не знаю, не знаю. — Хеммонд нахмурился и сдвинул шляпу на затылок. — Что ж, ладно. Завтра тебе надо будет явиться в суд.

Девушка, покачиваясь, встала:

— Это все?

— Угу. — Хеммонд повернулся к стоявшему в дверях полицейскому. — Джек, отвези ее в отель «Саймондс».

— А вы порасспросите-ка детективов в Нью-Йорке об Уилборе, — внезапно сказала Римма. — Они разыскивают его.

Хеммонд сощурился и пристально посмотрел на девушку.

- Это за какие же делишки?
- Не знаю. Знаю только, что разыскивают.
- Знаешь — откуда?
- Он сам мне рассказывал.

Хеммонд помолчал, потом пожал плечами и, махнув тому же полицейскому, повторил:

- Отвези ее в гостиницу.

В сопровождении полицейского Римма вышла под дождь. Я провожал ее взглядом. Меня несколько удивило, что она даже не посмотрела на меня. Ведь я же спас ей жизнь.

Хеммонд жестом велел мне сесть.

- Фамилия?
- Джефф Гордон.

Я носил другую фамилию, но в Голливуде был известен как Гордон.

- Адрес?

Я назвал меблированные комнаты, расположенные сразу же позади бара Расти.

- Ну, выкладывай, что тут произошло.

Я рассказал.

- По-твоему, он хотел ее убить?

- По-моему, хотел.

— Ну что ж, порядок, — произнес Хеммонд, шумно отдуваясь. — Ты потребуешься нам завтра в суде ровно в одиннадцать. — Он внимательно посмотрел на меня. — И позаботься-ка о своем лице... А раньше ты встречал эту девицу?

- Нет.

— Не понимаю, как такая интересная девушка могла жить с таким гнусным типом. — Он сморщился. — Ох уж эти девчонки, — слава богу, у меня парень.

Кивком он подозвал второго полицейского, и они тоже вышли под дождь.

Все, о чем я вам рассказываю, произошло незадолго до конца Второй мировой войны. А за три года до этого я еще старательно «грыз гранит науки» в университете своего родного города Голланд-Сити, мечтая стать инженером-строителем. До получения диплома оставались считанные месяцы, когда в 1944 году военная обстановка осложнилась, я больше не мог сопротивляться желанию уйти добровольцем в армию. Отец чуть не сошел с ума от ярости, узнав о моем решении. Он убеждал меня сначала защитить диплом, а уже потом думать об армии, однако сама мысль о том, что я должен еще торчать в университете, в то время как люди умирают в окопах, была для меня просто невыносима.

Уже через несколько месяцев я в числе первых американских солдат высадился на одном из японских островов. Заметив под раскачивающимися пальмами вражеские орудия, я бросился к ним, но в лицо мне врезался раскаленный осколок шрапнели. Так кончилась для меня война.

Шесть месяцев я валялся на госпитальных койках, а тем временем врачи переделывали мою физиономию.

В общем-то, они неплохо с этим справились, но все же правое веко на всю жизнь оказалось у меня слегка опущенным, а вдоль правой челюсти, словно серебряная ниточка, обозначился тоненький шов. Врачи говорили, что устранят и эти дефекты, если я соглашусь пробыть в госпитале еще месяца три, однако я уже достаточно намучился. Ужасов, которых я насмотрелся к тому времени в больничной палате, хватило мне на всю жизнь. Я постарался побыстрее выписаться и уехал домой.

Отец служил управляющим местным отделением банка. Деньги у него не водились, но он согласился помогать мне, лишь бы я закончил университет и стал инженером.

Я и в самом деле собирался сделать отцу приятное, однако пребывание на фронте и особенно в госпиталях выбило меня из колеи. Я обнаружил, что потерял всякий интерес к наукам и не в состоянии ни на чем сосредоточиться. Помучившись неделю, я ушел из университета и откровенно рассказал обо всем отцу. Он понял мое состояние и только спросил:

— Что же ты собираешься делать?

Этого я и сам не знал. Однако мне было ясно: в университет я вернуться не смогу, во всяком случае некоторое время.

Отец скользнул взглядом по моему полуопущенному веку, шраму на подбородке, а потом неожиданно улыбнулся.

— Ну хорошо, Джефф, — сказал отец. — Ты еще молод, почему бы тебе куда-нибудь не поехать и не познакомиться с жизнью? Сотни две долларов я для тебя наскребу. Отдохни, а потом возвращайся и беришься за дело.

Деньги я взял. Не скажу, что без угрызений совести, — отцу жилось нелегко. Но иного выхода у меня не было, так отвратительно я себя чувствовал, так необходимо мне было поскорее сменить обстановку.

И вот я оказался в Лос-Анджелесе, питая смутную надежду, что найду какую-нибудь работу в кино. Увы, очень скоро мне пришлось расстаться с этой надеждой.

Впрочем, я не чувствовал себя слишком уж обескураженным, не очень-то меня тянуло работать. Целый месяц я без дела околачивался около порта и много пил. Мне приходилось часто встречаться с те-

ми, кто был освобожден от призыва в армию. Совесть мучила этих людей, и они не скупилась на выпивку для бывших фронтовиков. Однако любителей послушать болтовню о героических делах на фронте становилось все меньше и меньше, а вместе с тем таяли и мои деньги, мне все чаще приходилось задумываться, на что поесть в следующий раз.

По установившейся привычке я каждый вечер заходил в бар некоего Расти Макгована. Из окон бара открывался вид на бухту, где покачивались на якорях плавучие притоны азартных игр. Расти постарался придать своему заведению подобие паровой каюты: окна в виде иллюминаторов, многочисленные медные украшения — их каждодневная чистка доводила официанта Сэма до умопомрачения.

В чине старшего сержанта Расти участвовал в войне с Японией. Он понимал мое состояние и благоволил ко мне. Хоть он и прошел огонь, воду и медные трубы, это не помешало ему остаться хорошим человеком, который сделал для меня все, что можно. Узнав, что я не могу найти подходящего занятия, он как бы вскользь заметил, что собирается приобрести пианино, да вот не знает, найдет ли тапера.

Расти попал, что называется, в точку: единственное, что я умел делать более или менее сносно, — это играть на пианино. Разумеется, я не стал отговаривать Расти, и вскоре пианино было куплено.

За тридцать долларов в неделю я играл в баре с восьми часов вечера до двенадцати часов ночи, что вполне меня устраивало, поскольку позволяло платить за комнату, сигареты и еду. Что касается выпивки, то Расти не жалел ее для меня.

Такова была обстановка или, лучше сказать, фон в тот момент, когда, вынырнув из-под завесы дождя, на сцене появилась Римма. Мне исполнилось два-

дцать три года, и никому на свете не было до меня дела. Появление Риммы доставило мне кучу неприятностей. Тогда я еще не знал об этом, но вскоре убедился.

На следующее утро, в начале одиннадцатого, миссис Майлред, хозяйка мебелирашек, где я снимал комнату, крикнула из своей конторки при входе, что меня зовут к телефону.

Я как раз орудовал бритвой вокруг царапин на своей физиономии; за ночь они распухли и побагровели. Ругнувшись, я вытер с лица мыло, спустился к телефону и взял трубку.

Говорил сержант Хеммонд.

— Гордон, ты нам не потребуешься, — сказал он. — Мы не намерены возбуждать дело против Уилбора.

Я удивился:

— Не намерены?

— Да. На свою беду, повстречал он эту девицу в серебряном парике. Двадцать лет тюрьмы она ему обеспечила.

— Как так?

— А так. Мы сообщили в полицию Нью-Йорка, что задержали некоего Уилбора, а там обрадовались, как, наверно, обрадовалась бы мать, когда узнала, что нашелся давным-давно потерявшийся сынок. Материалов на Уилбора в нью-йоркской полиции столько, что двадцать лет ему гарантированы.

Я присвистнул:

— Основательно!

— Еще бы! — Хеммонд помолчал, и до меня донеслось его медленное, тяжелое дыхание. — Она спрашивала твой адрес.

— Да? Ну, я не делаю из него секрета. Вы ей сказали?

— Нет, хотя она уверяла, что хочет поблагодарить тебя. Знаешь, Гордон, послушайся моего совета: дер-